

и г р ы • ч у ж о г о • р а з у м а

Надежда и Николай
ЗОРИНЫ

*Числовой код
Бессмертия*

МОСКВА
2 0 1 7

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-86

Оформление серии *А. Саукова*

Зорина, Надежда.

3-86 Числовой код бессмертия / Надежда и Николай Зорины. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Игры чужого разума. Остросюжетные романы Н. и Н. Зориных).

ISBN 978-5-699-93900-8

Иван Молчанов — писатель-пророк. События, которые он изображает в романах и рассказах, обязательно происходят на самом деле, а его герои — настоящие люди. И если он описывает смерть своего персонажа — вскоре умирает реальный человек. Но Иван не может изменить ни одного своего сюжета, даже когда события ему не нравятся, даже когда он боится того, что произойдет на страницах его книги, а значит, и в реальной жизни. И вот однажды Иван сам становится героем собственного романа, и то, какая судьба его ожидает, он сможет узнать лишь по завершении последней книги...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зорина Н., Зорин Н., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-93900-8

Трелог

Полумрак быстро сменяется темнотой. Ступаю осторожно, боюсь оступиться. Если оглянуться, то еще можно увидеть проблески света, но с каждым шагом они становятся все неразличимей. Длинный узкий коридор старой гостиницы. Я ищу свою комнату. Но в крошечной темноте найти ее очень трудно. Вытягиваю руки, пытаюсь на ощупь определить нужную дверь, но пальцы упираются в шершавую стену. Тревожно и жутко. Я словно попал в кошмар и не могу проснуться. Страх нарастает, но я не даю ему завладеть мной полностью, подчинить меня своей власти. Вспоминаю, что оказался в этом темном коридоре не вдруг, не сразу, как это происходит в кошмарах, — темнота нарастала постепенно. Там, внизу, в холле гостиницы, было светло и уютно. Усталый сонный портье выдал мне ключ на деревянной груше и назвал номер комнаты. Какой он номер назвал? Триста какая-то. Но какая? Я совершенно забыл! Страх снова подступает к горлу, как

тошнота. Мне никогда не найти своей комнаты! Я обречен вечно бродить в темноте.

Пытаюсь вспомнить, но ничего не получается. Цифры и числа вихрятся в голове, кривляются и смеются. Абсолютная бесконечность перевернутой восьмерки задевает крылом меня по лицу, я вздрагиваю. В панике мечусь по коридору, натываясь на стены. Но вот — наконец-то! — ладонь ощущает холодную ручку двери. Я поворачиваю ее — и оказываюсь в комнате.

Голубовато-серый ночник создает ощущение морозного раннего утра. Цифры снова приходят в движение, черные хищные цифры. Я понимаю, что эта комната — не моя. На кровати лежит человек, приговоренный к смерти. Ему осталось всего три часа. Как только раннее утро перейдет в морозный сумрачный день, приговор будет приведен в исполнение. А пока человек спит. Лицо его искажено страданием. На тумбочке возле кровати лежит пистолет. Еще не разряженный. Еще! Воздух пахнет отчаяньем. В этой комнате комбинация цифр сложилась в число смерти.

Прочь! Обратю в коридор! Недопустимо смотреть на спящего за три часа до его смерти.

Делаю шаг назад из предсмертного утра в мирную, живую, желанную теперь темноту коридора. Точно слепой, вытянув руки, боком ступаю и натываюсь на следующую дверь. Останавливаюсь, перевожу дыхание. Зайти или не зайти? Как узнать, моя это комната или чужой кошмар? Цифры и чис-

ла... А вдруг повезет, и я попаду к себе? Какой это номер? Не разглядеть, да и все равно, я так и не вспомнил, какая комната моя. Старомодная груша ключа топорщит карман. Достать и попытаться на ощупь определить цифры и числа. Достаю и пытаюсь. Ничего не выходит! Цифры издевательски смеются. Прислушиваюсь к их смеху, прижимаясь к двери. Моей? Чужой? Смех меняет окраску — смех льется, как радостная, жизнеутверждающая музыка: безнадежный кошмар разрешился беспредельным счастьем. Толкаю дверь и вхожу. Точно такая же комната, точно так же горит ночник, на кровати лежит человек. Тот самый, которого я оставил мгновение назад — приговоренный. Вот только на тумбочке нет пистолета, вместо него безобидная курительная трубка. А на полу бутылка из-под шампанского. Я случайно задеваю ее ногой, она, пустая, катится по полу с легким позвякиванием, словно заливается смехом. Человек на кровати отвечает ей, смеется во сне.

Но как же так? Может, я ошибся, и это не он? Вернуться в прежнюю комнату и проверить?

Пячусь, пячусь и выпадаю в коридор. Куда идти: направо или налево? Где та комната с приговоренным к смерти? Никак не могу сориентироваться. По правую или по левую руку была дверь? Не помню. Где конец, где начало у этого коридора?

Иду наугад, так и не вспомнив. Новая дверь. Осторожно, словно боясь спугнуть робкую галлюцинацию, приоткрываю чуть-чуть, на маленькую

щелочку. Никакого серо-голубого свечения — красновато-коричневый полумрак. Значит, ошибся, повернул не туда. Припадаю к щели. Двое мужчин о чем-то возбужденно спорят. Придвигаюсь ближе, чтобы услышать их разговор. Речь идет о какой-то необыкновенной удаче. Они говорят всего-навсего о выгодной сделке. Реальная обыденность их разговора меня успокаивает. Гостиница, в которой я не один, больше не пугает. Успокоенный, примиренный с реальностью, отхожу от двери.

Иду вперед, дальше, дальше по коридору. Темнота мне больше не помеха, безошибочно определяю дверь следующей комнаты, бесцеремонно толкаю. На полу сидит девушка. Раскачивается, словно в трансе, лицо совершенно несчастное. Красная комната. Цифры и числа замерли скорбно. Жизнь и счастье здесь тоже проиграны. Эту девушку обвинили в убийстве.

Быстро иду, почти бегу по коридору. Очередная дверь. Те же двое, в том же красновато-коричневом полумраке. Но запах удачи испарился совершенно. В комнате пахнет опасностью. Один из мужчин что-то прячет за спиной. Нож? Пистолет? Мне не видно. А он с ненавистью и страхом смотрит на другого в упор. И тот от ужаса не может пошевелиться. Не может отвести взгляд, но с какой-то маниакальной настойчивостью повторяет цифры, складывая их в число. Словно молитву перед смертью. Словно заклинание. Трехзначное число или три цифры.

Я убегая, бегу. Распахиваю подряд все двери. Я уже не верю, что найду свою комнату. Девушка, будто одержимая, пишет на белом листе черным маркером в столбик числа. Мужчина в голубоватом свечении сосредоточенно раскладывает карты. Двое партнеров по странному бизнесу играют в шахматы. Мужчина пьет в одиночку шампанское. Девушка делает цветы из шелка. Выигрыш. Проигрыш. Смерть.

Я бегу, коридор бесконечен, комнаты, комнаты — варианты судеб. Бегу, задыхаюсь от быстрого бега. Двери, двери и числа... Мне не найти своей комнаты.

Усилим воли заставляю себя проснуться.

Утро. Сквозь шторы пробивается яркое солнце. Вокруг привычные вещи. Кошмар закончился. До следующей ночи.

Часть 1

НЕОКОНЧЕННЫЙ РОМАН

Глава 1

«...Это как перепутать шляпу и прожить чужую жизнь. Я где-то читал эту фразу, но не помню где. Сегодня весь день не идет из головы эта шляпа, все кажется, что я занял место другого и не имею права быть здесь. Странные, чужие мысли, никогда раньше ни о чем подобном не думал. Почему именно сегодня они возникают, ведь все хорошо? И почему мне с самого утра как-то не по себе? Надо отвлечься, вытряхнуть из головы эти глупости. Выпить коньяка и успокоиться. И снова стать другим человеком. То есть нет! Стать собой, прежним. Я всегда был везунчиком по жизни, пронесет и сейчас, разве можно в этом сомневаться?

Коньяк не помог, стало только хуже. Мой компаньон Вячеслав задерживается уже почти на час.

Ну и что? Придет, никуда не денется. Удача, которая несла меня всю жизнь, не может вдруг взбрыкнуть и выбросить из седла. Есть люди счастливые, а есть несчастливые. Я отношусь к первым. С такими, как я, никогда ничего плохого не случается.

ется. Так чего раскисать? Придет Вячеслав, мы отправимся в банк, откроем сейф, возьмем рукопись, а завтра выгодно ее продадим. Дело, которое так удачно началось, не может окончиться неудачей.

Этот дом мы купили по случаю, за смехотворную цену. Он сильно пострадал от пожара. Бывший хозяин погиб в огне. Поговаривали, что под конец жизни он окончательно спятил. Поговаривали, что он сам этот пожар и устроил. Этакое феерическое самоубийство. От которого выиграли мы с компаньоном. Ох, как выиграли! Приобретая дом — вернее, руины — и радуясь, что совершаем выгодную сделку, мы представить себе не могли, насколько эта сделка окажется выгодной. И даже когда в подвале нашли этот железный ящик, еще до конца не поняли. Стояли, тупо уставившись в исписанные листки, не осознавая, какого золотого тельца заполучили. Впрочем, и тогда о чем-то таком догадывались. В этот же день мы сняли в местном банке сейф и, чтобы не искушать судьбу и друг друга, разделили шифр на двоих: половину шифра придумал и запомнил я, половину — он. Вячеслав не может открыть сейф без меня, а я без него. Он не знает мою половину шифра, а я не знаю его цифры.

Покупателя мы нашли на удивление быстро. Завтра должна состояться самая счастливая в нашей жизни сделка.

Если только... Да нет, нет, все будет хорошо. Странно, мне кажется, что до сих пор в комнате пахнет гарью. Этого быть не может, после такого

капитального ремонта. Мы же буквально все отстроили заново, только внешний каркас оставили. Стены отделали дубом. Получилось очень стильно, хоть и мрачновато. И пахнуть должно свежим деревом, а никакой не гарью.

Мы собирались выставить дом на продажу, после того как продадим рукопись, но, может быть, и не станем выставлять, может, я оставлю дом за собой. Мне здесь нравится. И само старинное здание, и узость улочки, и даже цветочная мастерская напротив. Говорят, эта мастерская была на этой улочке всегда. Здорово, когда можно, открыв окно, упереться взглядом в вечность.

Девушка в бледно-зеленом платье на балконе в доме напротив делает цветы. Так же, как делала ее мать, как ее бабушка, прабабушка, пра-пра... как вечность их делали поколения женщин ее семьи. Одни уходили, на смену приходили другие и садились на этом балконе. С ума сойти можно, как представишь!

Я часто смотрю на эту цветочницу, стою у окна и смотрю. Благодаря узости улочки мне видна почти каждая деталь нарождающегося цветка. Я и сейчас стою. Легкий ветерок выхватил из руки девушки розовый шелковый лепесток и понес куда-то по улице. Она с сожалением посмотрела ему вслед, встала, перегнулась через перила, бросила быстрый взгляд на меня.

Сердце кольнуло, ладони вспотели, подступила тревога. Зачем она на меня посмотрела? Или мне

показалось, а посмотрела она вовсе не на меня? Снова уселась как ни в чем не бывало, взяла с небольшого столика кусок шелка, принялась вырезать новые лепестки.

Не знаю, почему сегодня мне так тревожно. Сейчас вдруг представилось, что эта девушка за мной следит. Делает вид, что погружена в работу, а сама украдкой наблюдает за моим окном. И опять глупые мысли полезли в голову, будто я — это вовсе не я, и девушка следит не за мною, а за тем, кто должен быть на моем месте. Все дело в этой дурацкой шляпе, которая навязчиво вспоминается. Где же я об этом читал? Я уже сто лет ничего не читаю.

Отошел от окна, но не выдержал и вернулся. Лучше уж видеть ее, знать, что она делает. Прятаться в глубине комнаты — глупо. Так можно пропустить момент опасности.

Да нет никакой опасности! О чем я вообще говорю? Я знаю Вячеслава много лет, доверяю ему, он не может меня подвести. Он обязательно придет, мы отправимся в банк, откроем сейф...

Боже мой! Кажется, я забыл свою половину шифра! Три, восемь... Пять! Нет, не забыл, показалось! Иногда на меня находит — цифры ускользают. Вот опять. Три... Восемь? Пять? Нет, не забыл! Помню. И никогда не забуду!

Но девушка на балконе все-таки тревожит. Розовый шелк она отложила в сторону, взяла желтый и опять на меня посмотрела. Или мне вновь показалось? Три, восемь, пять. Почему же он опаздывает,

мой компаньон? Уже почти полтора часа прошло. Он всегда приходил вовремя!

Три, восемь, пять. Три, восемь... Три... Три дня назад был мой день рождения. Легкое сладкое вино оказалось отчего-то тягучим и крепким. Может, тогда он выведал у меня мою половину шифра? И теперь вообще не придет, откроет сейф один? Конечно! Но нет... Нет! Он бы не оставил меня в живых, если бы выведал.

Шляпа... Нет, не то! Три, восемь, пять. Запах гари становится все навязчивее, все невыносимее. И эта девушка. Ее балкон — отличный наблюдательный пункт. Она явно за мной следит. Я не знаю, что там у нее под куском желтого шелка. Может, мобильник, и она украдкой звонит и докладывает, когда я на нее не смотрю. Я не мог проговориться, даже в самом невменяемом состоянии. Значит, они... Значит, Вячеслав сегодня придет обязательно. Но не обязательно за тем, чтобы мы вместе пошли в банк, совсем не обязательно! Он придет затем...

Девушка смотрит на меня в упор, уже не стесняясь. Смотрит и улыбается. Не мне, своим мыслям: ей тоже перепадет что-то от моей смерти, ее шпионские услуги будут щедро оплачены.

Звонок. Громко и резко. Зачем же я так долго ждал? Зачем тратил бесценное время? Теперь не убежать — он стоит за дверью, мой компаньон, убийца. Теперь не спастись.

Рывком распахиваю раму окна. Девушка стоит, вцепившись руками в перила, и смотрит на меня, не

отрываясь. Все равно! Перебираюсь с подоконника на карниз и прыгаю на землю. Резкая боль в левой ноге. Цифры в голове съезжаются от боли. Мне не убежать, не спастись. Три, пять... Восемь? Или девять? Не помню, забыл! Девушка сверху, с балкона...»

На этом мой роман обрывается. Сюжет застрял и не идет дальше. Я не знаю, что стало с моим героем. Почему опоздал его компаньон? Подготавливался к убийству? Или его задержала какая-нибудь вполне невинная причина: остановились часы, на дороге возникли пробки...

Нет, вряд ли. Его швейцарские часы не могли остановиться просто так, а пробок в городке, в котором они купили этот дом, никогда не бывает. Значит, все же убийство? Я могу об этом только гадать, вот уже полгода я вязну в этой оборванной строчке: «Девушка сверху, с балкона...» — и не могу двинуться дальше. Я злюсь на своих героев и ненавижу свой неоконченный роман.

Дело в том, что я никогда ничего не придумываю, как это делает нормальный писатель. Все мои герои — реальные люди, но которых я никогда не встречал. Все мои сюжеты — жизни этих реальных людей. Меня называют писателем-пророком, потому что сюжеты моих романов всегда происходят на самом деле, сбываются. Или при определенных обстоятельствах могли бы сбыться. Я вижу этих людей во сне, переживаю их жизни.

Но теперь сны изменились.